Валентина ПОЛИКАНИНА

Мой век, смешенье веры и порока...

* * *

Всё к жизни приложимо: вздох, рывок,
Дорог судьбы натянутые тросы,
Осенний воздух, сада островок
Да жёлтых дней рассыпанное просо;
Внезапно возникающая мысль,
Готовая развиться до Вселенной;
Стихи и проза, время, вечность, смысл,
Покой души и горсть земли нетленной.
И явь, что дарит встречи на лету,
И неземные сны голов упрямых,
И промысел: знать эту, а не ту,
Скупое «жду», распахнутое «мама».
И сердце-друг в кругу друзей иных,
И сердце-недруг, горестный и меткий,
Мельканье лун да в книгах путевых
По-детски непутёвые заметки.

* * *

Мы живём, отражаясь
в колодезной глуби свободы,
Хоть в унынье времён
неизбежность нельзя обминуть,
И с трудом постигаем
земные законы природы,
И поверить легко,
и нельзя седину обмануть.

Но когда серой пылью
в часах спеленаются стрелки
И отпустим на волю
пугливых своих голубей,
Станут: слаще – словарь,
отстранённее – мира проделки,
Небо – ниже, синей,
запредельная даль – голубей.

Не ропщи на судьбу,
мы к её похвалам не готовы.
Затеряться б, как в чаще,
в её прописном букваре.
Мы ещё прикоснёмся
к магической зыбкости слова,
Мы ещё загадаем:
проснуться на сонной заре.

И пока нам сопутствует
ветер, на солнце румяном
Зреет колос любви,
цветом полнятся радуг слои,
Пусть ещё удлинится
рассвет мой неспешным туманом,
Пусть ещё упадут
сотни звёзд на ладони твои.

* * *

Слово – творчество. Слово – венец,
Завершение мысли, огласка.
Слово – выкормыш. Слово – птенец:
Ртом согрет и дыханьем обласкан.

Слово – выход на свет. Слово – свет,
Звёздный импульс мерцающей точки.
Слово – словно у дерева ветвь.
Все слова – население в строчке.

Слово – следствие. Слово – печать.
Можно впитывать –
можно отторгнуть.
Затаившийся гнев у плеча –
Захлебнувшийся кратер восторга.

Слово – тождество действию, цель,
Поводырь, указательный палец.
Слово – кружево, замкнутость, цепь,
Узелочек на долгую память.

Слово – пепел пожарищ, зола,
Камень в сердце, прокисшая брага,
Если слово на службе у зла.
И зерно – если служит во благо.

* * *

Пуст мамин дом.
В дверях затвор непрочен.
Но образ чистый светел, как всегда.
И смотрят мамы праведные очи
Сквозь жизнь и смерть на все твои года,
На почерк твой, что рвётся безутешно
В надгробных начертаньях сжечь вину,
На твой надрыв,
на твой приезд поспешный,
На волосы твои, на седину…
Хлебнёшь печали,
лишь беды не трогай.
Все души ходят к близким напрямик.
И ты, почуяв позднюю тревогу,
Прозреешь – и увидишь в тот же миг,
Что зло растёт из трещины убогой,
Что грешный мир теряется во мгле,
А мать идёт над грязною дорогой –
По воздуху идёт, не по земле.
Идёт она, как светоч, как спасенье,
Над горестным смешеньем чёрных вод,
От Рождества идёт до Вознесенья –
Плечами подпирая небосвод.

* * *

Для добрых дел земных –
широко полюшко.
Ох, порадеть бы нам о тех делах.
Мы – только зёрнышки,
Мы – только зёрнышки,
Сухие зёрнышки в Твоих руках.

Спеша и падая, идём по краешку.
Судьба беспечная – на волоске.
Мы – только камешки,
Мы – только камешки,
Глухие камешки в Твоей реке.

Тоска нездешняя, печаль кромешная
Не научили жить с душой в ладу.
Мы – только грешники,
Мы – только грешники,
Слепые грешники в Твоём саду.

Живём – не молимся на ясной зорюшке.
Беда приходит к нам, ей – хлеб да соль.
Мы – только горюшко,
Мы – только горюшко,
Земное горюшко Твоё да боль.

В траве растут кресты,
грустят березоньки
Да льётся кровушка на образах.
Мы – только слёзоньки,
Мы – только слёзоньки,
Живые слёзоньки в Твоих глазах.

АДАЖИО

К чему весь хлам, когда души –
не нажито…
Не ночь была, а поиск слов к «Адажио»,
Тому, что Альбинони написал,
Как вечный плач, без суеты и паники.
А мне сегодня при луне беспамятной
Вдруг память возвратила голоса…

И я оглохла от земного ужаса.
Вдруг мама показалась мне вернувшейся
И вкруг сошлась премудрая родня.
И ожили все реплики финальные.
Слова зажглись, как свечи поминальные.
И поглотила музыка меня…

А память воскрешала наболевшее.
И говорили прадеды ослепшие:
«Молись над словом, плачь,
ведь ты – поэт,
А значит, для тебя не риторически
Звучит вопросом этот гул космический
Над самой горемычной из планет…».

И я слилась с бессонницей нездешнею,
Улавливая вздохи безутешные
Родных, познавших немоту земли,
Свершивших все
пожизненные подвиги…
Слова, как зёрна, мне катились под руки:
Сказаться помогали, как могли.

Созревшие слова и осторожные,
Они сливались с музыкой тревожною…
А утром, что вставало за селом,
Вдруг аист пролетел
над полем скошенным
Душой распятой,
будущим испрошенной,
Пронзительно напомнив о былом.

ВОСПОМИНАНИЯ СОЛДАТА

Ещё от боя земля дрожит.
Ночь фронтовая. Страх не дожить…
Но над бедою, любить спеша,
Другой душою живёт душа.
Всё помню, Лида: поля черны,
Зловещий холод, огонь войны…
Как мог, служил я родной стране,
Да вражья пуля досталась мне.
Тогда попал я в твой медсанбат.
Ты – медсестрёнка, а я – солдат.
Бог дал мне счастье продлить деньки
От милосердной твоей руки.
Ты мне казалась родней родных,
Но грусть читал я в глазах твоих.
В недобром месте, в недобрый час
Любовь слепая настигла нас.
Ты мне шептала в ночи земной:
«Я буду вечно твоей, одной…».
Но сон растаял и наяву
Тебя не стало, а я живу…
От боли, скорби и слёз моих
Мне были силы за нас двоих.
И, ненавидя врагов, в бою
Я мстил им, Лида, за смерть твою.
Сошлись сто вёсен на той весне:
«Победа, братцы! Конец войне!».
А я – как лишний – в кругу солдат,
Как будто жизни своей не рад…
Один я, Лида, с тех пор, один.
Всё вспоминаю, как брал Берлин.
На разговоры ко мне с утра
Слетелись птицы да детвора.
Санёк, притихший, как голубок,
Мальчонка русый, сидит у ног.
Мои рассказы – ему урок.
Таким же мог быть… и наш сынок.

МОЙ ВЕК

Мой век, смешенье веры и порока,
Хоть мельком, но на прошлое взгляни.
Там поле было чисто, ясно – око,
Там соколы не знали западни.

Кровавое, увы, твоё начало.
Какие испытания в конце?
Играешь с нами, эхом отвечая.
Смеёшься в обезличенном лице.

Обману и корысти дал приманку,
Тарелку отодвинул, словно цель.
То вывернешь все смыслы наизнанку,
То ставишь добродетель под прицел.

Иных уже постигла участь злая.
Уныние, упадок и падёж…
Чего ещё смертельно пожелаешь
И что к рукам бесстыдно приберёшь?

Глядишь прощально,
как листок осенний,
Заброшенный дождём на пьедестал.
От войн, беды и горьких потрясений
Ты сам уже, наверное, устал.

Мой век, сомлевший до седьмого пота,
Дай душам от Любви не отойти…
Твои необъяснимы повороты.
Твои непредсказуемы пути.

* * *

Простите нас…
Сумейте нас простить
За наши годы гордые, шальные.
Все те, кого уже не возвратить,
Простите нас… Родные, неродные…

За то, что мы не жили в горький час,
За Родину до смерти не стояли…
Простите нас, ушедшие от нас,
За то, что вашу правду растеряли.

Простите нас за нашу немоту,
Скрывающую нас за именами…
За мелкость, глухоту и слепоту
Простите нас, идущие за нами.

Нам и своей не вынести тоски.
Простите нас,
впитавших страсти века.
Мы – поколенье, взятое в тиски
Времён, давно враждебных человеку.

Ещё не откровенна наша речь…
Простите нас, седых и моложавых,
За то, что мы не можем уберечь
От злобы и вражды свои державы.

Ещё душа не смыла чернозём.
Ещё до Бога – жизни расстоянье.
Простите нас за то, что не ползём,
Как раненые к солнцу, – к покаянью.

Ещё без веры мудрствуем, скорбя.
Неверию готовим возвращенье.
Простите нас, прощающих себя
За то, чему вовеки нет прощенья.

ЭХО ЧЕРНОБЫЛЯ

1.
Порасставлены вехи-флажки
На земное холодное темя,
И наточенных стрелок движки,
Как ножи, режут чёрствое время.

И гудят под дождём города,
Новый век по-весеннему зелен.
Лишь печаль, как мирская беда,
Чёрной ласточкой пала на землю.

Что могли, всё с собой унесли…
Наш покой, как века, не оплачен.
И сплелись корни нашей земли
С материнским космическим плачем.

Землю ту – поперёк или вдоль –
Обнимаем душевным прощеньем.
Это наша с тобою юдоль,
Поднебесной сумы угощенье.

2.
Волчий стон пробежал,
ввысь взметнулась пропащая птица,
Память-музыка где-то играет,
да струны не в лад…
В гуще зарослей тёмное время,
теснясь, копошится:
Зацепилось за елей верхушки –
и тянет назад.

Повзрослели слова,
и моря не сжигают синицы.
В буераках пустых
притаилось в испуге зверьё.
В эту ночь лишь младенцам
да грешным поэтам не спится.
Этой ночью природа
припомнила имя своё.

Эта чёрная ночь
напекла чернобыльного хлеба,
Чтоб его все века-поезда
увезти не смогли.
Пуще реквием крон,
что до крови врезаются в небо,
Гуще пляска корней,
разрывающих недра земли.

Постепенность часов
вдруг сменилась обратностью мыслей:
До голодного крика,
до свитка в утробной ночи.
Над моею страной тучи
чёрные горем провисли.
Горе – горше полыни –
в надорванном горле горчит.

* * *

Я скучаю по России,
Белой-белой, синей-синей,
Словно храм,
мне ставшей домом,
Словно небушко, бездонной;
Полной света и покоя
По-над Волгой и Окою;
С деревянною резьбою,
С расписной её судьбою;
Той, что верить не устанет;
Зацелованной устами,
Как вода, что нету слаще;
Непродажной, непропащей,
Не распластанной над бездной,
Сострадательно-болезной;
Той, по-радонежски торной,
По-саровски чудотворной,
Куполами позлащённой,
Покаянной и крещёной,
Сильной в трудную годину,
Неделимой и единой;
Не измеренной шагами,
Не истоптанной врагами,
Уходящей от полона,
Мощной духом,
непреклонной;
В бой со злом ведущей сердце,
Породившей страстотерпцев;
Душу ввысь
привыкшей кликать –
По Святой Руси, великой.

МОЛИТВА О РОССИИ

Упаси нас, Господь,
от проклятий грядущего дня,
От пустой очерёдности
серых нестоящих будней,
От шального родства,
там, где мать своё чадо, кляня,
Опоив молоком,
закачает рукой беспробудной.
Огради нас, Всевышний,
от низменных мыслей и дел,
От погибельной скачки
в сетях штормового развала,
От гарцующей гонки,
несущей проклятый удел:
Быть глупцами, слепцами,
в чьём доме беда ночевала.
Отведи нас, Грядущий,
от прошлых поверженных стен,
Там, где камня на камне
мы, буйствуя, не оставляли,
Оставаясь, как нищие
да с погорельцами, с тем,
Что, как память, живило,
желание жить утоляя.
Охрани нас, Святейший,
от адовых очередей,
Где к душе прижимаются
намертво бесы-проныры,
От безбожных идей,
от не знающих веры вождей,
От кровавых дождей,
заполняющих чёрные дыры.

Людмила КЛЕВЕР

Пока ты молчишь...

* * *

Поэзия – это
кувшинные крики
дельфинов, сорвавшихся
в небо, железо
в крыльях, пустоты
мурлычущих в коже
кошек, бутоны
цветущих в долине
точек, шары
тюленей из лунного
сахара… и
океан, испаряющий
птиц

* * *

Как странно вращаться
в зеленой мерцающей
лошади, слушать
волны, цветущие
в камне, хранить
сломанный дождь
в бутылке

* * *

Карену Джангирову

Слезы…
Слезы уставшему от
спазма сухих зрачков…
Руки с мороза
в воду холодную, в воду…
Огромным стихам твоим:
«Алиллуя!»…
Зеркало
с трещиной величиной
в слово «Однажды», куда
можно войти и увидеть
реки обнаженной
лирический бег,
имя которой –
«Рядом»

* * *

Маэстро учил –
наклоняя рассвет,
выливать черепаху
в радугу

* * *

Пока ты молчишь,
успеваю родиться
Евой

* * *

Африканские ритмы
перебили сервизы,
раздвинули стулья
растрепали мажорные занавески
распороли и выпотрошили
подушки
и в замедленной съемке
осыпавшейся штукатурки
я наконец разглядела
воздух

* * *

Слоны
раздвигают
пространство ушами,
чтобы вместиться
в реальность тропических
бабочек

* * *

Она
одевается только в прошлое.

Она
никогда не становится будущим.

Она
никуда не идет… А еще

у нее восхитительно
длинные жесты
насекомого

* * *

Краешком Африки
чувствую, как
океан закипает
в капле

* * *

Ушел
подарив
как небо слепому
(кто скажет, что это –
не счастье?!)
прутики из
ольхи

* * *

Научи меня двигаться
степью вокруг
стрелы

* * *

Кожа влюбленных
женщин журчит,
наполняя кувшин
мужчиной

* * *

У рыб очень тонкие
стенки – они
подплывают друг к другу,
чтобы послушать,
как в них собирается
дождь

* * *

Лежа на желтом,
сентябрь казался
временем

* * *

Пронзенный безумием
куб обрастает
розой

* * *

На склонах песчинки
гуляет печальный
слоненок, и космос
грустно хрустит
у ног

* * *

Из трещин гор
весной сочатся
ласточки

* * *

И кажется, что вверх
стремится жук, а это
отяжелевший мир
сползает
вглубь

* * *

Простудившись,
ветерки надежды,
еще недавно летящие,
беспокойно звенящие…
Тихо сидят
на подушечках – пьют
бабушкин чай
с вареньем

* * *

Сеешь моря,
роняешь планеты, века
вращаешь вокруг
первой попавшейся точки…
А после, устав,
становишься тихой волной
и нежно смываешь
рисунки своих
улиток

* * *

Как легко принимаем
дороги
тропинки
тропы

лишь бы дойти,
хотя и не знаем – куда…

А иногда так важно
вовремя сбиться с пути…

* * *

Из глубины
наблюдаешь за тем
как ничейно над Этим рассыпан
жемчуг Вернувшейся Мысли –
он нежен
как песня в глазах
убийцы

* * *

В тумане
уходящей осени
ощущала себя
остановленным стуком
бесконечно
уставшего сердца, но
цветы, покрытые
корочкой инея,
были куда беззащитнее –
и ко мне постепенно
вернулось
время

* * *

Забыть
свое тело
в каком-нибудь ди-
нозавре, а после
родиться курносой
датской пастушкой
и в легком хлопковом
платье гонять
облака

* * *

То стайками рыб,
то лавинами лунного света
уносятся в даль
крупинки последней реальности
оставляя нам голое
Время

* * *

Я шла на звук дождя,
я шла… летели годы,
летела жизнь… дошла
до чьей-то кухни, там
с чужого потолка
вода стекала на пол

* * *

Как много людей
плачет на дне
черепахи

* * *

Лопнувший март
истекает глазами
кошек

* * *

Океан выгибает
спину, устав
прыгать за чайками

* * *

Зацепившись за мир,
воробей собирает
утро

* * *

Так и уходим,
навсегда оставляя
звенеть этот мир
нетронутым

* * *

Наши души обшиты
шерстью убитых
мамонтов

* * *

Совы бесшумно
роняют глаза
в рассветы

* * *

Танцуя на собственной
коже, читаешь
знаки древнейших
рыб

* * *

Забыть и забыться,
свернувшись клубочком
в нежной гортани
удивленно поющих
птиц

* * *

Пустыней становится
рыба, в которой
однажды захлопнулось
озеро

* * *

Чешуей
самых изящно
скользящих змей
покрывается ночью
нежная кожа
невест

* * *

Тонкие дети
зимнего солнца
крадутся в тела
влюбленных

* * *

Как тепло прижиматься
холмиком снега
к окнам оставленных
хижин

* * *

Наступая на камень,
можно сломать
живущие в нем
фиалки

* * *

Родники заросли
небесами, а ты
все еще ищешь
дно

* * *

Касаясь волны,
человек сотворяет
гнезда хрустальных
ласточек

* * *

На берегу
утонувших женщин
мальчики строят
стрекоз

* * *

Земля завершается
самым последним
странником

* * *

Над музыкой чисел
рыбы рисуют
воду

* * *

Скорость мгновений
сгибает стекло
в ручей

* * *

Кошка хвостом
вращает пустую
комнату

* * *

Завернувшись в цветок,
печаль превратилась
в женщину

* * *

Сочиняя пространство,
художник становится
точкой

* * *

Течением стен
наполняется озеро
комнаты

* * *

Разрушая песчинку,
готовься к нашествию
мамонтов

* * *

Чуть промедлишь, и вот –
пустая река громыхает
ребрами мертвых рыб

* * *

От солнца до солнца –
один апельсиновый
кот

* * *

Пустота – это ящик,
в котором хранятся
яблоки

* * *

Незримое – это
олень на плечах
муравья

* * *

Между
дольками
мандарина
пальцы теряют
невинность

* * *

В пуле
твердеет
роза

* * *

В какой смешной колпак
не облачись,
за пазухой грустят синицы

* * *

Страх потеряться
под куполом Я
сползает ботаникой
в разум

* * *

В озерах спрятаны пустые лейки

* * *

Тело бежит муравьями

* * *

Рыбы и брови кончаются берегом

* * *

Я вижу, как мир,
упавший в ладонь,
мгновенно становится
ежиком

* * *

Вытолкни мышь
из солнца, пока
светло

* * *

Слушая город,
душа убегает
в суставы альпийских
кузнечиков

* * *

День накренился,
и выжили все, кто успел
перейти на другую
сторону

* * *

Даль не меняется –
все так же, как раньше,
улитки спешат
к началу

* * *

Вот
камень
на песке –
чем не причина
переписать историю?

* * *

Модильяни ушел,
не оставив рецепта
слетающей с мира
шляпы

* * *

По склонам пленительных
девушек катится
сад

* * *

Никто не знает, как идти к ручью,
но все доходят

* * *

Цветок – это самая
честная форма
выстрела

* * *

Топор разбился о пустой кувшин,
и лес перевернулся
в динозаврах

* * *

Лето уходит
кошачьей походкой
в серьги раздетых
женщин

* * *

Время художника –
момент, когда тело картины
очищается от
холста

* * *

На веточках воздуха
грустно висит
то, что не стало
счастьем

* * *

Двигаясь кольцами,
роза танцует
Азию

* * *

Песок переполнен
ушедшими в даль
верблюдами

* * *

Кочуя из сложного
в сложное, мир
забывает, как был
ромашкой

* * *

Бросая морские
камешки в воду,
даже не знаешь –
это последнее,
что у тебя
осталось